

5. Комментарий к уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка, Н. А. Бабий, А. В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
6. Сухоносенко, А. В. Получение взятки по уголовному праву Казахстана : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Сухоносенко ; Томск. гос. ун-т – Томск, 2007. – 26 с.
7. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.
8. Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2011. – 860 с.

УДК 343.74:343.71

М. Д. Веремеенко
профессор кафедры правовых дисциплин
УО «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат исторических наук, доцент права

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОТ КРАЖИ

Собственность всегда была и является экономической основой функционирования любого общества. Это предполагает необходимость ее охраны от различного рода посягательств, среди которых особое место занимают присвоение и растрата. В условиях формирования и развития рыночных отношений в Республике Беларусь данный вид преступления становится более распространенным и опасным. Поэтому неслучайно различные его аспекты являются предметом исследования многих ученых. Однако до настоящего времени имеется ряд сложных, дискуссионных вопросов по обозначенной теме.

Изучение научной литературы и правоприменительной практики по делам о хищении имущества, вверенного виновному, показывает, что одним из таких вопросов является отграничение присвоения и растраты от кражи. На наш взгляд, это обусловлено прежде всего тем, что данные преступления близки по своей юридической характеристике, а при их разграничении авторы указывают и учитывают лишь отдельные признаки. Так, одни исследователи полагают, что присвоение и кража различаются лишь по признаку субъекта [1, с. 87]. Другие считают, что «основным разграничительным признаком указанных форм хищения является отношение субъекта преступления к похищаемому имуществу» [2, с. 551]. Высказываются и иные точки зрения. Не отрицая наличия указанных отграничительных признаков присвоения и

растраты от кражи, полагаем необходимым учитывать в комплексе все отграничительные признаки, а затем только путем их анализа, сопоставления и сравнения делать окончательный вывод о том, какая форма хищения имеет место в том или ином конкретном случае.

Как нам представляется, отграничение присвоения и растраты чужого имущества от кражи должно производиться по следующим критериям:

- признакам предмета;
- объективной стороне преступления;
- признакам субъекта.

В отличие от кражи присвоение и растрата характеризуются особым свойством предмета посягательства. При краже предметом преступления является любое чужое имущество, к которому относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество. В ст. 211 УК говорится о хищении имущества, вверенного виновному. В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «вверенным является имущество, в отношении которого лицо в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений наделено полномочиями владения, пользования или распоряжения» [3]. Из этого следует, что отличие предмета хищения состоит не в физических особенностях вещи, а только в ее юридической сущности: при присвоении и растрате предметом является имущество, вверенное виновному, а при краже – имущество, которое не находится в правомерном владении виновного.

По объективной стороне присвоение и растрата также отличаются от кражи. Объективная сторона кражи заключается в противоправном и безвозмездном изъятии чужого имущества с последующим его обращением в пользу виновного или иных лиц. При этом под изъятием понимается акт активного поведения, заключающийся в обособлении похищенного имущества и перемещении его в пространстве, чтобы затем приобщить к собственности преступника.

Характеризуя объективную сторону присвоения и растраты, многие авторы отмечают, что характерной ее особенностью, отличающей ее от кражи, является отсутствие признака незаконного изъятия чужого имущества у собственника или иного владельца, поскольку собственник сам на законном основании вверяет свое имущество виновному. В данном случае преступнику с целью присвоения или растраты чужого имущества не нужно изымать его, а достаточно удержать, не возвращать собственнику [4, с. 386; 5, с. 136–137].

На наш взгляд, невозможно обратить чужое имущество в свою пользу, не изъяв его из фондов собственника. Однако изъятие нельзя сводить к сугубо физическому, механическому его аспекту, основанному только на понимании хищения как перемещения имущества в пространстве. Полагаем, что прав А.И. Бойцов, который изъятием считает не только физическое извлечение и удаление имущества из обладания какого-либо лица, но и юридическое обособление имущества, которое фактически уже находилось в обладании

виновного на законных основаниях [6, с. 228]. В данном случае необходимо учитывать, что и при совершении преступления, предусмотренного ст. 211 УК, имущество принадлежит законному собственнику и при его присвоении или растрате оно выводится из владения собственника, т. е. фактически изымается.

С учетом изложенного, думается, изъятие как внешнее проявление хищения свойственно также присвоению и растрате. Однако в отличие от кражи, при которой происходит просто физическое изъятие имущества у собственника, при присвоении и растрате изъятие означает лишение собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом, так как объектом преступных посягательств на собственность являются общественные отношения собственности.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15, хищение, за исключением разбоя и вымогательства, следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им [3]. Из этого следует, что данное положение распространяется и на такие формы хищения, как присвоение и растрата. Однако учитывая, что изъятие имущества применительно к преступлению, предусмотренному ст. 211 УК, как мы выяснили, имеет несколько иное содержание, чем при краже, то эти преступления имеют некоторые отличия и по моменту их окончания. Так, если кражу следует считать оконченным преступлением, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность распорядиться или пользоваться им, то присвоение окончено в момент установления над имуществом незаконного обладания и совершения действий, направленных на обращение указанного имущества в свою пользу. Растрату следует считать оконченным преступлением с момента противоправного издержания имущества, его утраты, потребления, израсходования, или отчуждения [6, с. 423; 7, с. 149].

И, наконец, присвоение и растрата отличаются от кражи по признакам субъекта, совершившего незаконное завладение чужим имуществом. Субъектом кражи является любое физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, а субъектом присвоения и растраты – только лицо физическое, вменяемое, достигшее 16-летнего возраста, которому имущество вверено. Поэтому совершение тайного хищения чужого имущества лицом, не обладающим такими полномочиями, но имеющим доступ к похищаемому имуществу в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно быть квалифицировано по ст. 205 УК.

Таким образом, рассмотрев обозначенный вопрос, нами представлены признаки, по которым производится отграничение присвоения и растраты чужого имущества, вверенного виновному, от кражи. Высказанные при этом собственные суждения, полагаем, окажут помощь сотрудникам правоохранительных органов при решении вопросов, связанных с указанной проблемой.

Список основных источников

1. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С. А. Елисеев – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1999 – 176 с.
2. Энциклопедия уголовного права. Т. 18 Преступления против собственности. – Издание профессора Малинина. – СПб. : ГКА, СПб, 2011. – 1020 с.
3. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 31.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. А. П. Новикова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Экзамен, 2006. – 975 с.
5. Безверхов, А. Г. Имущественные преступления / А. Г. Безверхов. – Самара : Самарский ун-т, 2002. – 359 с.
6. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.
7. Эриашвили, Н. Д. Противодействие присвоению и растрате чужого имущества в Российской Федерации (практический аспект) / Н. Д. Эриашвили // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 5. – С. 145–150.

УДК 343.343.3

О. Ф. Воспякова
старший преподаватель кафедры
правовых дисциплин УО «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ О ХУЛИГАНСТВЕ

В применении ст. 339 УК Республики Беларусь в судебно-следственной практике существует ряд проблем, вызванных, в частности, недостаточной конкретизацией отдельных положений статьи.

Так, одной из проблем является разграничение хулиганства и других преступлений. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении № 1 от 24 марта 2005 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» основными критериями отграничения называет содержание и направленность умысла виновного, мотивы, цели и обстоятельства совершенных им действий [1, п. 16].

Как отмечает П.И. Сашеко, мотивом хулиганства являются побуждения, в основе которых лежит специфическое по содержанию чувство неуважения